

Переводы философских текстов

Malishev Mijail. Extremos del nihilismo: la imagen de Stavroguin en la novella de Dostoevski Demonios // Entre vivencias e ideales (ensayos filosoficos y literarios). Toluca.1997. pp.13-24.

Перевод Мастюгиной О.С.

Научный руководитель Емельянов Б.В.

д-р филос. наук, проф.

Малышев Михаил. Крайности нигилизма: образ Ставрогина в романе Достоевского «Бесы» // Между переживаниями и идеалами (литературные и философские очерки)

Откуда берёте вы вашу силу и вашу веру?

Веру без Бога, силу без надежды, не имея никакой личной цели?

Где находите эту способность нарочно обречь

на небытие всё ваше сознание?

М. Бакунин

Термин «нигилист» появился впервые в романе Ивана Тургенева «Отцы и дети». Евгений Базаров, главный герой романа, называет себя самого и своих товарищей «нигилисты»: они отрицают духовные и эстетические ценности и признают только неопровержимые факты, доказанные посредством наблюдения и эксперимента. По словам Базарова, философия, искусство и религия – это не более чем романтический вздор, а для «нового человека» важна польза от конкретного дела и мужество принять неумолимую правду, как бы она ни была. «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта» [4, С. 21]. Базаров не признает авторитет ни традиций, ни институтов, ни

существующих норм, и готов сорвать маски со всех принципов, почитаемых предшественниками. В своем разговоре со старым аристократом Павлом Кирсановым он заявляет: «В теперешнее время полезнее всего отрицание - мы отрицаем. - Все? - Все. - Как? не только искусство, поэзию... но и... страшно вымолвить... - Все, - с невыразимым спокойствием повторил Базаров. - Однако позвольте... Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить. - Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить» [4, С. 40-41].

Но нигилизм Базарова, каким его показывает Тургенев, не имеет глубоких оснований в его бытии и иногда противоречит внутренней логике характера Базарова. За его чрезмерным антиэстетизмом и бесчувственностью скрывается желание высмеять «священные принципы» высокопарного и напыщенного дворянина Павла Кирсанова. Базаров язвительно посмеивается над влюбленностью своего друга Аркадия, но в конце романа он сам влюбляется в красивую женщину из высшего общества и глубоко страдает, получив отказ. Как видно, Базаров намерен радикально изменить ценности своих предшественников и у него достаточно решимости, чтобы использовать даже грубую силу для осуществления этой задачи, но он всё-таки ещё хранит надежду на некие принципы, на которых он сможет основать «новые настоящие ценности».

Нигилизм героев Достоевского существенно отличается от нигилизма Базарова. По Достоевскому, бесы нигилизма обитают там, где нет строгих критериев для различения добра и зла, где люди, потеряв свои убеждения, приспосабливаются к условиям и ведут себя согласно моде, общественному мнению или своим корыстным интересам.

«Слушайте, - поверяет свои убеждения Петр Верховенский Николаю Ставрогину. - Я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши, наши.

Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!» [1, С. 394].

Бесов нигилизма русский писатель находит там, где низводятся духовные ценности, где отрицается смысл человеческой жизни, а материальная польза и эгоизм возносятся до уровня высшей истины. Достоевский полагает, что основной источник нигилизма коренится в нравственном релятивизме, в отсутствии твердых убеждений, в порочном своеволии, которое порождает соблазн дойти «до конца», до разрушения своей собственной жизни так же, как и жизнью других.

Первое, что характеризует нигилиста этого типа – отвращение к явной лживости окружающего мира. Часто эта ненависть сопровождается чувством пустоты, которое является следствием потери привычных убеждений, пусть даже иллюзорных перед лицом неумолимой правды жизни. Это ощущение пустоты является отражением потери смысла жизни. Место положительного отношения к миру занимают иррациональные аффекты, ценностные характеристики которых имеют мало общего с реальными свойствами предметов. «Нигилизм как психологическое состояние должен будет наступить, во-первых, после поисков во всем совершающемся «смысла», которого в нем нет: ищущий в конце концов падает духом. Нигилизм является тогда осознанием долгого расточения сил, мукой «тщетности», неуверенностью, отсутствием возможности как-нибудь отдохнуть, на чем-нибудь еще успокоиться – стыдом перед самим собою, как будто самого себя слишком долго обманывал» [2, С. 12].

Пустота, которую нигилист обнаруживает в своей душе, не может быть адекватно выражена ни в каком другом отношении, кроме как в полном отрицании, в «нет», брошенном всему лживому миру, всей обманчивой реальности, которая не заслуживает только одной участи - полного неприятия. За этим воинственным отрицанием наступает другая стадия, которую можно

назвать глобальным презрением, в котором нигилист себя исчерпывает до конца. Нигде он не может найти ничего положительного, кроме как в демонстрации своего собственного нигилизма: для него уже не существует ничего, что он не мог бы отвергнуть, преодолеть или осудить презрением или усмешкой. Но разоблачение реальности, которая сначала вдохновляет нигилиста, позднее обращается против него, так как оно не руководствуется положительной идеей, которая могла бы придать определенный смысл его жизни. Для нигилиста не существует никаких моральных устоев, не существует ничего, что имеет или могло бы иметь устойчивую ценность. Потеря основания бытия ведет его к потрясению, и тогда ему открываются две пропасти: «идеал святого и идеал грешника» (*el ideal madonico y el ideal sadomico*). Итальянский философ Пьетро Прини характеризует это состояние как «отсутствие альтернативы». «За исключением бездонной пропасти выбора нет абсолютно ничего, что определяло бы бытие превыше небытия, а добро превыше зла. В этом заключается самая глубокая драма человеческого существования – в проблеме выбора. Порочный результат открытия двух пропастей – в фактическом отсутствии различия между одним и другим, то есть – в отсутствии альтернативы» [7, С. 17].

Герой такого типа нигилизма – это Николай Ставрогин, который выражает пренебрежительное отношение как к утверждению, так и к отрицанию; который впадает в безразличие к миру и разочаровывается во всех ценностях до такой степени, что начинает думать, что не существует ни одной цели, заслуживающей того, чтобы ее достигнуть. В своих черновых набросках к роману Достоевский описывает Ставрогина так: «Князь – мрачный, страстный, демонический и беспорядочный характер, безо всякой меры, с высшим вопросом, дошедшим до “быть или не быть?”» [3, С. 196]. В своем письме к Дарье Павловне, незадолго до принятия решения о самоубийстве, Ставрогин пишет: «Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести себя с земли как подлое насекомое; но я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие. Я знаю, что это будет еще обман, – последний обман в бесконечном ряду обманов. Что

же пользы себя обмануть, чтобы только сыграть в великодушие? Негодования и стыда во мне никогда быть не может; стало быть, и отчаяния» [1, С. 630].

В отличие от других представителей нигилизма, чья насмешка всегда направлена против других, Ставрогин презирает самого себя в такой же степени, как и других. Потеряв всякий интерес к миру, он предстает как сторонний наблюдатель своих собственных стремлений, которые могут привести его как к добру, так и ко злу. Это отсутствие альтернативы превращается во всеобъемлющее безразличие, которое не останавливается ни перед какой опасностью, не подчиняется никакому запрету и не преклоняется ни перед каким авторитетом, каким бы священным он ни был. «Я пробовал везде мою силу, - пишет Ставрогин Даше, - Вы мне советовали это, „чтоб узнать себя“. На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась беспредельною. ... Но к чему приложить эту силу – вот чего никогда не видел, не вижу и теперь» [1, С. 629]. Ставрогин обрел свою безграничную силу не только путем преодоления своего страха или пьянящего чувства победы, но и показав самому себе, что он способен это сделать. «Он бы и на дуэли, - описывает его характер рассказчик, - застрелил противника и на медведя сходил бы, если бы только надо было, и от разбойника отбил бы в лесу – так же успешно и так же бесстрашно, как и Л-н, но зато уж безо всякого ощущения наслаждения, а единственно по неприятной необходимости, вяло, лениво, даже со скукой» [1, С. 197].

После пощечины, которую Шатов дал Ставругину, он схватил его «обеими руками за плечи; но тотчас же, в тот же почти миг, отдернул свои обе руки назад и скрестил их у себя за спиной. Он молчал, смотрел на Шатова и бледнел как рубашка. Но странно, взор его как бы погасал. Через десять секунд глаза его смотрели холодно и – я убежден, что не лгу – спокойно. Только бледен он был ужасно. Разумеется, я не знаю, что было внутри человека, я видел снаружи. Мне кажется, если бы был такой человек, который схватил бы, например, раскаленную докрасна железную полосу и зажал в руке, с целью измерить свою твердость, и затем, в продолжение десяти секунд, побеждал бы

нестерпимую боль и кончил тем, что ее победил, то человек этот, кажется мне, вынес бы нечто похожее на то, что испытал теперь, в эти десять секунд, Николай Всеволодович» [1, С. 197-198].

Ставрогин всю свою жизнь чувствовал, что способен преодолеть какое угодно препятствие и справиться с какой угодно опасностью для того, чтобы достичь как хорошей, так и плохой цели. «Правда ли, - спрашивает Шатов у Ставрогина, - будто вы уверяли, что не знаете различия в красоте между какою-нибудь сладострастною, зверскою штукой и каким угодно подвигом, хотя бы даже жертвой жизнью для человечества? Правда ли, что вы в обоих полюсах нашли совпадение красоты, одинаковость наслаждения?» [1, С. 242]. Ставрогин оставил этот вопрос без ответа, но позднее он признался в своем письме к Даше: «Я все так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие» [1, С. 629]. Размышления об этих двойственных наклонностях рождают в сознании нигилиста презрительное отношение к самому себе. «Из меня вылилось одно отрицание, без всякого великодушия и безо всякой силы. Даже отрицания не вылилось. Все всегда мелко и вяло» [1, С. 630].

В свете безжалостного анализа своих аффектов нигилисту кажется подозрительным любой сильный порыв, любая возвышенная идея, поскольку, по его мнению, они не могут играть другой роли, кроме как притягивать, губить или уничтожать своего носителя. «Великодушный Кириллов, - говорит Ставрогин, - не вынес идеи и – застрелился; но ведь я вижу, что он был великодушен, потому что не в здравом рассудке. Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу верить идее в той степени как он. Я даже заняться идеей в той степени не могу» [1, С.630]. Для того, кто выше всех ценностей и идеалов, жизнь кажется банальной, поэтому он импульсивно совершает абсурдные действия; например, он вдруг дергает за нос генерала, кусает за ухо губернатора, на балу при всех целует жену Липутина. Как какому-нибудь герою произведений Сартра, персонажу русского писателя присуще «чистое вдохновение»: каждое из своих бессмысленных действий он совершает

как будто произошедшее не имело никакой власти над ним. Отсутствие целостности в преднамеренных поступках делает Ставрогина странной и загадочной личностью. Поскольку он непредсказуем и ведет себя каждый раз по-разному в различных ситуациях, он не похож на самого себя, каждый раз он другой. Как Протей, он способен менять полностью свой характер. Его душевные связи с окружающими людьми настолько слабы, что ему совершенно безразлично общественное мнение о себе. Иногда его лицо кажется маской, которая раздражает даже тех, кто, несмотря ни на что, испытывает странную симпатию к нему.

В самом деле, Ставрогин оказывает почти магическое воздействие на окружающих его людей, не прикладывая к этому каких-либо особых усилий: женщины, влюбленные в него, готовы на все, зная, что он ничего не может им дать, кроме страданий; Шатов желает, чтобы Ставрогин поднял знамя «русского народа-богоносца», несмотря на презрение к его высокомерной улыбке праздного барчонка; Петр Верховенский хочет навязать ему роль царевича Ивана, чтобы от его имени поднять бунт. В порыве дьявольской откровенности этот злой гений интриг признает себя его почитателем. «Вы мой идол! Вы никого не оскорбляете, и вас все ненавидят; вы смотрите всем ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью и своею и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо как вы. Я никого, кроме вас не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...» [1, С. 393]. Но высокомерный и надменный Ставрогин не может никого полюбить. Шатову, который его боготворит (несмотря на то, что дал ему пощечину), Ставрогин равнодушно говорит: «Мне жаль, что я не могу вас полюбить». Проведя ночь с Лизой и увидев ее разочарование, он вынужден признать, что эта женщина имеет повод его ненавидеть: «Мучь меня, казни меня, срывай на мне злобу. Ты имеешь полное право! Я знал, что я не люблю тебя, и погубил тебя. Да, “я оставил мгновение за собой”» [1, С. 489]. Даше, которую он звал к себе «в сиделки»,

надеясь поселиться в Кантоне Ури, в Швейцарии, Ставрогин говорит: «Я вас не жалею, коли зову, и не уважаю, коли жду» [1, С. 629].

Потеряв веру в моральные устои и отбросив как пустую иллюзию идею абсолютной значимости человеческого бытия, нигилист спрашивает: что сейчас для меня истина? У Ставрогина этот вопрос звучит по-другому: существует ли что-нибудь во мне, что я не способен переступить, высмеять, опорочить или обесчестить? Такие наклонности, предшествующие поступкам порочного человека, который ставит условием выполнения правил удовлетворение своих эгоистичных порывов, Кант называет злой волей, поскольку они искажают соотношение между природными наклонностями и моральным долгом. Эту волю Кант считал коренным злом, потому что ее принципы основываются на порочных началах. Так, Ставрогину вначале кажется, что «высшая истина» заключается в телесных наслаждениях, поскольку он покончил с миром идеалов в тот самый миг, когда показал, что не существует ни одной моральной нормы, которую он не смог бы переступить. В свою очередь, поиск более сильных ощущений – тех, которые быстрее всего влияют на тело (а самое сильное здесь приравнивается к самому реальному) – неизбежно приводит нигилиста к разврату. Но то, что толкает Ставрогина к любовным похождениям, нельзя назвать и любовью, так как с точки зрения того, кто созерцает две пропасти, должны быть отброшены все покровы, все маски, искажающие реальность. Любовь же оказывает опьяняющее воздействие и поэтому затуманивает трезвое осознание реальности. Неумолимая логика нигилиста толкает его в водоворот противоестественных ощущений, которые уже не являются сочетанием наслаждений и разврата, но разврата и страдания. Если садизм – это вид разврата, предполагающий, что садист получает удовольствие, наблюдая за страданиями своей жертвы, то крайний нигилист, склонный к коренному злу, стремится устранить из своих любовных отношений любой гедонистический аспект. Его отношение к миру отвергает как евангельский принцип «не делай другим того, чего себе не желаешь», так и лозунг садиста «делай со своим ближним все, что не желаешь, чтобы сделали с

тобой, чтобы достигнуть непосредственного наслаждения». Принцип, который исповедует Ставрогин, можно было бы выразить наилучшим образом так: «Делай со своим ближним то, что ты захочешь сделать, важнее всего – необычные переживания, которые ты при этом испытываешь». Цель того распутства, совершаемого Ставрогиным, имеет, если можно так выразиться, характер самопознания или эксперимента над самим собой, который проявляется в отказе от всех естественных чувств сострадания и милосердия к мучениям своих жертв.

Ставрогин рассказывает о своих преступлениях в *Исповеди*, в главе под названием «У Тихона», которую Достоевский отказался включить в свой роман из-за цензуры и хранил в своем архиве, чтобы включить ее в дальнейшем в роман «Житие великого грешника», который он намеревался создать, но так никогда и не создал. Эта глава представляет собой очень важную и нужную составляющую «Бесов», без которой личность Ставрогина осталась бы окутанной романтической и загадочной дымкой. Без этой части романа пустота и меланхолия, приводящие Ставрогина к самоубийству, остались бы плохо объясненными. В этой главе герой встречается с архиереем по имени Тихон, исповедуется ему в своих преступлениях (в письме) и затем выслушивает его мнение по этому поводу. Так, в порыве самоуничижительной откровенности Ставрогин описывает наиболее постыдные и позорные события своей жизни. Например, как он украл 35 рублей – всю плату за месяц у бедного чиновника, который был его соседом. В другой раз он решил, что потерял свой перочинный ножик, о чем и сказал хозяйке квартиры, у которой снимал комнату, и та подумала, что нож украла ее дочь Матреша, тогда она бросилась искать веник, чтобы высечь ее. В этот момент Ставрогин нашел нож на кровати, но, однако, ничего не сказал, и девушку жестоко избила мать. «Всякое чрезвычайно позорное, без меры унижительное, подлое и, главное, смешное положение, в каковых мне случалось бывать в моей жизни, - повествует Ставрогин в своей *Исповеди*, - всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неимоверное наслаждение. Точно так же и в минуты преступлений, и в

минуты опасности жизни. Если б я что-нибудь украл, то я бы чувствовал при совершении кражи упоение от сознания глубины моей подлости. Не подлость я любил (тут рассудок мой бывал совершенно цел), но упоение мне нравилось от мучительного сознания низости. Равно всякий раз, когда я, стоя на барьере, выжидал выстрела противника, то ощущал то же самое позорное и неистовое ощущение, а однажды чрезвычайно сильно. Сознаюсь, что часто я сам искал его, потому что оно для меня сильнее всех в этом роде» [1, С. 644].

Разрушение личности Ставрогина достигает своего апогея в соблазнении хозяйской дочери, которой было всего 12 лет. Когда он соблазнил Матрешу (по странной прихоти, непонятной ему самому), девочка почувствовала ненадолго восторженность, но затем впала в такое глубокое отчаяние, что Ставрогин понял, что она считает себя ужасной грешницей, достойной смерти за то, что убила Бога. Но вместо того, чтобы ощущать сострадание, искуситель почувствовал ненависть к своей жертве не столько из-за страха перед ответственностью за свой постыдный поступок, сколько из-за потери уважения к самому себе. После нескольких дней болезни, вызванной потрясением от насилия, девочка решила покончить с собой. Появившись на пороге комнаты, она, по словам Ставрогина, «вдруг часто закивала на меня головой, как кивают, когда очень укоряют, и вдруг подняла на меня свой маленький кулачок и начала грозить им мне с места. ... На ее лице было такое отчаяние, которое невозможно было видеть в лице ребенка» [1, С. 649]. После этого Матреша вышла в чулан, и Ставрогин начал подозревать, что девушка решила повеситься. Но вместо того, чтобы предотвратить самоубийство, он стоял в своей комнате полчаса, запечатлевая в памяти все ощущения; муху, которая прилетала и садилась на его лицо, он схватил и выпустил ее в окно, но не шевельнул и пальцем, чтобы избежать смерти несчастного ребенка, которого он толкнул в петлю. Взглянув в дверную щель чулана и убедившись, что девочка мертва, Ставрогин ушёл играть в карты. Хотя внешне он был весел, доволен и не огорчен, однако, внутри него бушевала досада. «Я знал тогда совершенно,

что я низкий и подлый трус за мою радость освобождения и более никогда не буду благороден, ни здесь ни после смерти и никогда» [6, С. 997].

Для человека, наделенного дьявольской гордыней, осознание своей подлости означает потерю всякого самоуважения. После ужасного происшествия с Матрешей, он, по его собственному признанию, забыл бы все, «если бы некоторое время я не вспоминал еще со злостью о том, как я струсил. ... В это же время пришла мне идея искалечить как-нибудь жизнь, но только как можно противнее» [1, С. 651-652]. Ставрогин искал себе наказания, но не потому что раскаивался, а из-за мук уязвленной гордости. Он сам признается, что «уже с год назад помышлял застрелиться; представилось нечто получше. Раз, смотря на хромую Марью Тимофеевну Лебядкину, прислуживавшую отчасти в углах, тогда еще не помешанную, но просто восторженную идиотку, без ума влюбленную в меня втайне (о чем выследили наши), я решился вдруг на ней жениться» [1, С. 652]. Однако, в глубине души Ставрогин хранил образ несчастной девочки, которая покончила с собой из-за его сладострастного каприза. Однажды, находясь под впечатлением от картины Клода Лоррена «Асис и Галатей», Ставрогин увидел идиллический сон и вдруг, по его собственным словам, он «увидел Матрешу, исхудавшую и с лихорадочными глазами, точь-в-точь как тогда, когда она стояла у меня на пороге и, кивая мне головой, подняла на меня свой крошечный кулачок. И никогда ничего не являлось мне столь мучительным! Жалкое отчаяние беспомощного десятилетнего существа с несложившимся рассудком, мне грозившего (чем? что могло оно мне сделать?), но обвинявшего, конечно, одну себя! Я просидел до ночи, не двигаясь и забыв время. Это ли называется угрызением совести или раскаянием? Не знаю и не мог бы сказать до сих пор» [1, С. 654]. С того времени фигура девочки с поднятым, грозящим кулачком, как призрак Макбет, преследовала героя Достоевского. Но в отличие от героини Шекспира, образ Матрешки, по признанию Ставрогина, «не само представляется, а я его сам вызываю и не могу не вызывать, хотя и не могу с этим жить» [1, С. 654].

Закончив читать *Исповедь*, Тихон понял, что угрызения совести Ставрогина не превратились в раскаяние. И хотя его мучает воспоминание о зле, причиненном невинному созданию, у него недостаточно сил для того, чтобы преодолеть свое высокомерие и осудить самого себя. Достоевский показывает, что нигилист, который дошел до крайней степени гордыни, избавляется и от самой любви, потому что ему не нужна чужая похвала, он довольствуется собственным одобрением. Воскрешая в памяти образ бедной девочки, Ставрогин ищет себе страдание как орудие самонаказания, чтобы заслужить очищение и освободиться от вины. Он понимает, что если не достигнет этой цели, то он может дойти до высшей степени сатанизма. Но это свидетельствует о том, что чувство вины, которое Достоевский стремится пробудить, необходимо всем нам, чтобы мы не потеряли самих себя в череде беспорядочных событий. А если мы добиваемся восприятия связей между нами самими «вчерашними» посредством трудных и печальных воспоминаний, мучительных переживаний, то мы не имеем права бежать от собственной совести, если мы хотим сохранить свою самость.

Осознание собственной ничтожности и порочности привело Ставрогина к крайней душевной пустоте и потере самоуважения. Это душевное бессилие хорошо выразил его друг Кириллов: «Ставрогин если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует» [1, С. 573-574]. Иногда он не может отличить фантазию от реальности: например, образ Матрешки, грозящей ему своим кулачком, он считает как реальным видением, так и плодом своей больной фантазии.

Жена Ставрогина, Хромоножка, ограниченная умственно, но чистая сердцем, проницательна, когда говорит Ставрогину: мой муж – «ясный сокол и князь, а ты – сын и купчишка». «Прочь, самозванец! – повелительно вскричала она, – я моего князя жена, не боюсь твоего ножа! У тебя нож в кармане» [1, С. 263-264]. Эти слова сумасшедшей, с виду бессвязные, оказываются пророческими. Спустя несколько часов Ставрогин бросает каторжному Федьке груду монет и таким образом толкает его на убийство своей жены. Последнее

любовное похождение Ставрогина с Лизой – это лишь эпизод, слабая попытка найти хоть какое-нибудь положительное содержание в его пустой жизни. Когда роман с Лизой потерпел неудачу, а Хромоножка вместе со своим братом были убиты Федькой, Ставрогину не осталось другого выхода, кроме как признать себя жалким ничтожеством, которое не должно существовать на этой земле.

Персонаж Ставрогина – живое воплощение философии абсурда, он представляет собой апофеоз безрассудства. Персонажа Достоевского можно хорошо охарактеризовать словами Альберта Камю: «Пожалуй, неправильно говорить, что жизнь – это постоянный выбор. Безусловно, нельзя вообразить, что свою жизнь мы полностью выбираем. С этой простой точки зрения, абсурдная ситуация действительно невообразима. Невообразима она также в своем выражении. Вся философия бессмысленности строится на противоречии из-за самого этого факта выражения. Нелогичности придается логичность, а выводы делаются там, где их быть не может» [5, С. 14-15].

В свете интеллектуальной педантичности русского писателя ясным остается, что в «метафизических экспериментах», которые проводит его герой, страдают не только сами экспериментаторы, но и все остальные. Настоящая болезнь, которой страдает Ставрогин, порождена не столько тоской, вызванной нравственным бездействием Бога, сколько его стремлением присвоить себе божественные атрибуты. Как и Гамлет, Ставрогин хотел бы быть абсолютным хозяином своего «быть» и «не быть». Но поведение «нового Бога», которое строится на трупе «мертвого Бога», двусмысленно. Во-первых, ни один человек не может быть полным властелином своего бытия и небытия. В формуле Гамлета - быть или не быть – под словом «быть» подразумевается «продолжать быть», поскольку ни один смертный не может обладать властью над своим бытием в онтологическом смысле.

Во-вторых, может ли человек быть хозяином своей собственной судьбы в том смысле, что он есть и должен быть хозяином своего собственного поведения? Очевидно, нет. Сам факт его рождения не может быть расценен как акт свободной воли. Ответственность за свое бытие не дает права делать все то,

что приходит в голову. Из права быть хозяином своих действий еще не следует, что человек абсолютно свободен в решении, быть или не быть. Человек, который совершил множество преступлений, а затем повесился, чтобы избежать справедливого возмездия, - бесчестный человек. Этим поступком он признает свою неспособность быть хозяином своих действий и, следовательно, свою безответственность. Безответственный в своей собственной жизни и смерти, он не имеет право быть хозяином жизни и смерти других.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т.т. Т.7. М., 1990.
2. Ницше Ф. Воля к власти. М., 1910.
3. Розенблум Л.. Творческие дневники Достоевского. М., 1981.
4. Тургенев И.С.. Отцы и дети. М., 1958.
5. Camus A. El hombre rebelde. Alianza, Mexico, 1989.
6. Dostoyevski F. Obras completas, t. IV. Aguilar, Mexico, 1991.
7. Prini P. Historia del existencialismo. Herder, Barcelona, 1992.